

Ся Дунли потерял дар речи: «?!.. Вы лжете!!!»

В этом мире есть весьма пугающая вещь под названием «родительский фильтр». Стоит человеку им обзавестись, как начинается неизбежное падение: он постепенно теряет всякие принципы, слепо вторит чужому мнению, лишается инициативы и здравомыслия, а порой и вовсе становится невыносим. Проявляется это в том, что при каждом удобном случае он заводит песню: «Мой малыш самый милый», «Мой ребёнок самый послушный», «Моя собачка никогда не укусит» и тому подобное.

И сейчас Ся Дунли меньше всего ожидал, что этот истинный владыка Эрлан тоже нацепит подобный фильтр! А-а-а!

Мили как раз вступил в нелепый подростковый возраст. По мере того как щенок начал линять, вытягиваться и менять зубы, его привлекательность стремительно падала.

Изначально шерстка у Мили была тёмно-жёлтой, и, откормившись, щенок стал похож на пышный бисквит: стоит его потискать, как он тут же мягко валился на спину и забавно дёргал короткими лапками — невероятно милое зрелище.

А теперь его шерстка перемешалась — белые и жёлтые волоски росли вперемешку, да и «перемешалась» было сказано слишком мягко, на самом деле она росла как попало. Новая шерстка оказалась короче и жёстче пушка, от любого поглаживания в руке оставались охалки грубых, лишённых блеска шерстинок.

С шерсткой ещё можно было смириться — всё-таки лето, большинство собак в это время щеголяют в коротких маечках, — но из-за взросления и смены зубов у Мили к тому же деформировалась мордочка, меняясь буквально каждую неделю.

Ся Дунли, видевший пса каждый день, этого почти не замечал, но любой, кто глянул бы на него со стороны, наверняка усомнился бы, имеет ли этот пёс хоть какое-то отношение к прежнему милому бисквиту.

На самом деле в период активного роста большая часть питательных веществ уходила на развитие скелета, поэтому остальное росло как придётся. К тому же Мили много двигался, и хотя ел он обильно, расходовал энергию не менее активно, из-за чего пёс выглядел так, будто недоедает и имеет совершенно несуразные пропорции.

И вот, держа за загривок такого Мили, Ян Цзянь умудрился заявить, что тот похож на пес Сяотянь! Да в чём же они похожи?! В еле заметных белых волосках на теле? Или в мордочке, выглядящей чересчур длинной из-за смены зубов? А может, в этой дико тощей, недоразвитой талии?

Уважаемый бог, у вас же три глаза! Неужели на все три наложился фильтр слепого хозяина-дурака?! Если бы пес Сяотянь узнал, что его сравнивают с щенком в самый нелепый период его жизни, он бы, наверное, разревелся!

Да и с какой стати Мили вообще должен быть похож на Сяотянь? И к чему этот тон, словно у деревенской тётушки, которая при виде новорождённого из кожи вон лезет, лишь бы найти хоть какую-то черту сходства с родителями и похвалить? Стоп... Пресвятые боги, неужели этот бог думает, что Мили — щенок пса Сяотянь?!

Очнитесь, великий бог! В нашей мифологии Хуася нет концепции мужского деторождения, два самца не могут завести детей! Поймите... Неужели он до сих пор считает, что их Дами —

девочка?!

Э-это... и как теперь объяснять?! Поднять Дами и наглядно ему продемонстрировать? Но это ведь как-то неприлично! Ужас!

В душе Ся Дунли бушевал настоящий шторм возмущения. Едва сдерживая дрожь в губах, он чувствовал, как его распирает от невысказанных возражений, и это было невероятно мучительно.

Словно пытаюсь спасти его от неминуемого взрыва, за его спиной раздался холодный женский голос переводчика:

— Ох, этот щеночек так вырос! Время летит так быстро.

Гипнос вышел за ворота двора и помахал Церберу, который бежал чуть позади:

— Цербер, наш отпуск подходит к концу. — Он сделал паузу и добавил: — Господин Нэчжа спросил меня, сколько собак мы планируем вписать в заявку при выезде из страны. Я подумал, что лучше уточнить у тебя.

Хм? Что это значит?

Ся Дунли тут же обернулся к Нэчжа. Тот сохранял полное спокойствие и бесшумно, одними губами, показал: «Чистая формальность». Ся Дунли насупился. Он перевёл взгляд на колеблющегося Цербера. Взор Цербера был устремлён на Мили, и на пёсией морде застыло почти человеческое сомнение.

Цербер, разумеется, хотел забрать Мили с собой. Ведь это был щенок, которого он спас собственными лапами. И хотя позже в борьбе за него он неожиданно проиграл Дами, для Цербера право владения малышом по-прежнему оставалось за ним. Ранее он просто делил право опеки с Дами, а теперь, возвращаясь домой, естественно, желал увести Мили с собой.

Однако ему приходилось считаться с условиями жизни щенка.

Хозяин Дами когда-то говорил, что щенкам нужно больше бывать на солнце, чтобы вырасти крепкими, но в Подземном царстве не существует солнечного света.

Солнечный свет — это щупальца бога солнца Аполлона. Всюду, куда проникают лучи, Аполлон способен узнать о происходящем, а для его господина Аида подобное было совершенно невыносимо.

К тому же для душ умерших в Подземном царстве солнечный свет смертелен.

Едва его лучи касаются души, та испытывает мучительную боль от ожогов, а слабовольные и немощные духи под солнцем и вовсе рассеиваются без следа. Поэтому Аид, владыка подземного царства, время от времени выезжал на колеснице в дозор, чтобы проверить, нет ли щелей, через которые может просочиться солнечный свет.

Из-за отсутствия солнца растения в Подземном царстве разительно отличались от земных. К тому же реки, протекавшие по миру мёртвых, помимо обжигающих потоков магмы, состояли из Кокитоса, впитавшего слёзы грешников, и Ахерона, разделявшего мир живых и мёртвых. Обе эти реки кишели неупокоенными душами и злобой, а питаемые ими растения пропитались смертельным ядом. Мясо животных, взращённых на этих ядовитых растениях, разумеется,

отличалось ужасным вкусом. (Эй! Радоваться надо, что они вообще выживают!)

Капризный щенок ни за что не станет это есть. В конце концов, он ещё до того, как попробовал изысканные блюда мира людей, воротил нос от подобной еды, что уж говорить о Мили, который с самого детства ел собачью еду, приготовленную хозяином Дами.

Цербер невольно вздохнул, и морда его сделалась печальной. Если говорить об уголках с наилучшими условиями в Подземном царстве, то это был Элизиум — пристанище добродетельных душ. Но умершим душам не требовалась пища, поэтому все их дни проходили в песнях и танцах, и животноводством там никто не занимался.

Что? Если в мире мёртвых не разводят скот, откуда же берётся еда? Разумеется, благодаря жертвоприношениям! Владыка Аид — бог плодородия и богатств, и его почитатели каждый год приносят в жертву множество домашнего скота, так что Подземному царству просто нет нужды заниматься животноводством.

Цербер крутил эти мысли и так и эдак, пока голова не разболелась, и в конце концов понял, что действительно не способен вырастить щенка.

И только потому, что этот пёс был простым и прямодушным, он привык всё решать самостоятельно.

Окажись на его месте Дами, тот не раздумывая обратился бы за помощью к хозяину — передать неразрешимую проблему человеку и есть главное правило поведения образцовой собаки!

А если хозяин не справится?... Какая глупость! Как это его хозяин может не справиться?! Хозяин самый лучший!

В этом и заключалось различие во взглядах, вызванное разным жизненным опытом двух собак. Дами, пусть и стал невероятно умелым, с самого детства рос в заботе и неге, поэтому обращаться к хозяину при любых трудностях было его естественным инстинктом.

Цербер же с малых лет пробивал себе дорогу сам. И хотя он искренне доверял своему господину, у него давно сформировалась привычка справляться своими силами и не доставлять лишних хлопот. Назови это благоразумием, но в глубине души он просто боялся, что за проказы его выгонят.

Боясь потерять то, что имел, он не обладал правом на капризы.

Цербер опустил голову, с нежностью взглянул на Мили, который развалился кверху брюшком и высунул язык, тяжело дыша, а затем коротко твякнул в сторону Гипноса.

— Хорошо, я понял, — громко отозвался Гипнос, перекрывая холодный тон машинного переводчика, и небрежно перевёл взгляд на Ся Дунли: — Господин Ся, не подскажите, где находится невеста нашего Цербера? Как представитель владыки Аида, я хотел бы навестить её. Владыка Аид повелел мне привезти для неё особое угощение Подземного царства — гранат, и я хотел бы вручить его лично.

Услышав это, Ся Дунли мгновенно изменился в лице. Вы что, думаете, я не читал греческая мифология?! Гранаты из Подземного царства хорошо известны: кто же не знает, что отведавший ваших гостинцев навеки остаётся в мире мёртвых! И к чему теперь эти подарки? Решили заманить его Дами?!

В глазах юноши вспыхнул ледяной холодок, хоть на губах всё ещё держалась вежливая улыбка. Он произнёс подчёркнуто сдержанно:

— Мы весьма признательны за заботу Его Величеству Аиду, но, прошу прощения, у нас нет никакой невесты господина трехглавый пес.

<http://bllate.org/book/18144/1757806>